

ПУШКИНЪ и ГР. Е. К. ВОРОНЦОВА.

I.

Обстоятельства, результатомъ которыхъ явилась высылка Пушкина изъ Одессы на родину въ іюль 1824 года, остаются до сихъ поръ невыясненными. Въ этой исторіи несомнѣнно есть какое-то темное мѣсто. Факты, намъ извѣстные: оскорбительное отношеніе Воронцова къ Пушкину и взаимная антипатія между ними—объясняютъ не все. Есть достаточно оснований думать, что острая ненависть къ Пушкину, заставившая надменнаго и выдержаннаго «лорда» унизиться до жалкой мести человѣку, стоявшему такъ неизмѣримо ниже его по общественному положенію, была вызвана какимъ-то личнымъ столкновеніемъ между ними на интимной почвѣ. Эта увѣренность заставляетъ отнести данному эпизоду видное мѣсто не только во внѣшней біографіи Пушкина, но и въ исторіи его душевной жизни. Тѣмъ важнѣе разобраться въ обстоятельствахъ этого дѣла.

Въ Пушкинской литературѣ прочно установилось мнѣніе, что причиною высылки Пушкина изъ Одессы была ревность, возбужденная въ Воронцовѣ отношеніями поэта къ его женѣ, гр. Елиз. Ксавер. Воронцовой. Считается доказаннымъ, что Пушкинъ, во вторую половину своего пребыванія въ Одессѣ, приблизительно съ конца 1823 года (т.-е. послѣ отъѣзда Ризничъ), полюбилъ Воронцову и пользовался ея взаимностью. Большинство біографовъ думаетъ даже, что чувство, внушенное Пушкину Воронцовой, и было той единой, сильнѣйшей любовью Пушкина, которая, начиная съ одесскаго времени, не покидала его всю жизнь и которую онъ такъ тщательно скрывалъ. Насколько справедливы эти два утвержденія?

Прежде всего, они должны быть строго раздѣлены. Что въ жизни Пушкина была такая «вѣчная», таинственная любовь, это не подлежитъ сомнѣнію: она оставила много слѣдовъ въ его поэзіи. Но, какъ справедливо указалъ уже П. Е. Щеголевъ *), женщина, внушившая Пушкину эту любовь и, повидимому, отвѣчавшая ему взаимностью, рано умерла. Чрезъ все позднѣйшее творчество Пушкина, начиная съ 1825 года (отрывокъ: «Все въ жертву памяти твоей»), проходитъ рядъ пьесъ, вдохновенныхъ воспоминаніемъ объ умершей женщинѣ. Такова, кромѣ названнаго сейчасъ отрывка, въ особенности трилогія 1830 года: «Разставаніе», «Заклинаніе» и «Для береговъ отчизны дальней». Тайна, которою Пушкинъ окружалъ эту любовь, позволяетъ думать, что какъ-разъ имя *этой* женщины онъ скрылъ подъ буквами N. N. въ составленномъ имъ спискѣ женщинъ, которыхъ онъ любилъ. Это, очевидно, была не Воронцова: Воронцова пережила поэта на много лѣтъ (она умерла только въ 1880 г.). Но въ томъ же спискѣ значится и Воронцова («Элиза»): доказательство, что Пушкинъ дѣйствительно былъ въ нее влюбленъ.

Эта записка въ «донъ-жуанскомъ» спискѣ, да отмычка въ записной книгѣ Пушкина подъ 8 февр. 1824 г.: «soupe chez C. E. V.» — вотъ и все, что мы знаемъ достовернаго объ отношеніяхъ Пушкина къ гр. Воронцовой. Все остальное, что біографы умѣютъ разсказывать объ этихъ отношеніяхъ,—легенда и домыселъ. Этотъ фактъ необходимо установить, чтобы очистить поле изслѣдованія. Надо твердо помнить, что легенда эта не опирается ни на какія документальныя свѣдѣнія. Посмотримъ же, чего она стоитъ.

Ея первоисточникомъ являются показанія двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ былъ очевидцемъ событій, другой передаетъ слышанное имъ отъ современниковъ: это Вигель и гр. П. Капнистъ. Въ основномъ оба показанія сходятся. Оба свидѣтеля согласно показываютъ, что дѣло было такъ: жившій тогда въ Одессѣ Александръ Раевскій, другъ Пушкина и родственникъ Воронцовой, любилъ послѣднюю и пользовался нѣкоторой взаимностью; чтобы отвлечь вниманіе мужа и общества, онъ прикрылся Пушкинымъ; дѣйствительно, введенный имъ въ салонъ Воронцовой, поэтъ не замедлил влюбиться въ графиню, и вотъ на него-то и обрушилась мстительная ревность Воронцова. Показаніе Капниста очень лаконично; на-

*) «Амалія Ризничъ въ поэзіи А. С. Пушкина», «Вѣстн. Европы» 1904, янв.

противъ, Вигель расцвѣтилъ свой рассказъ эффектными драматическими подробностями. Раевскій, говорить онъ, не довольствовался прямымъ успѣхомъ своей уловки: съ адскимъ злорадствомъ онъ еще разжигалъ страсть Пушкина, тѣшилъ его муками, игралъ роль его повѣреннаго и помощника въ отношеніяхъ къ Воронцовой. Словомъ, Раевскій является у Вигеля если не дьяволомъ, то, по крайней мѣрѣ, Яго. Надо замѣтить, что Вигель вообще страстно ненавидитъ этого Раевского, можетъ быть потому, что, благодаря «тайнымъ наговорамъ» Раевского, для Вигеля, по его собственнымъ словамъ, закрылась гостиная графини. Надо думать, что именно сплетни, которыя Вигель распространялъ объ отношеніяхъ Раевского къ графинѣ, и заслужили ему ненависть обоихъ.

Такова легенда. Біографы и издатели сочиненій Пушкина придаютъ ей полную вѣру. Мало того, они находятъ ей подтвержденіе въ поэтическомъ свидѣтельствѣ самого Пушкина — въ его стихотвореніи «Коварность» (1824 г.). Напомню основную часть этой пьесы:

Но если ты святую дружбы власть
 Употреблялъ на злобное гоненье,
 Но если ты затѣйливо явилъ
 Пугливое его воображенье
 И гордую забаву находилъ
 Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьѣ,
 Но если самъ презрѣнной клеветы
 Ты про него невидимымъ былъ эхомъ,
 Но если цѣпь ему накинулъ ты
 И соннаго врагу предалъ со смѣхомъ,
 И онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей
 Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ, —
 Тогда ступай, не трать пустыхъ рѣчей:
 Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

Въ этихъ строкахъ, говорятъ намъ, Пушкинъ заклеилъ коварное предательство Раевского. Итакъ, мы должны вѣрить, что Пушкинъ и самъ видѣлъ въ Раевскомъ своего Яго и поэтически разсчитался съ нимъ.

Все это сложное построеніе, т.-е. и Вигелевская легенда, и домыселъ комментаторовъ, разрушается неопровержимымъ фактомъ: отношенія между Пушкинымъ и А. Раевскимъ остались тѣсно-дружескими и послѣ высылки поэта изъ Одессы, и оставались такими еще много лѣтъ спустя. Черезъ три недѣли послѣ высылки Пушкина въ Михайловское, Раевскій пишетъ ему теплое, задушевное письмо

(оно дошло до насъ), полное дружескихъ ободреній, извѣстій объ одесскихъ знакомыхъ, простыхъ и искреннихъ увѣреній въ своей привязанности. Одного этого письма достаточно, чтобы безъ дальнѣйшихъ разсужденій отвергнуть показаніе Вигеля и Капниста. Но, странное дѣло: всѣ знаютъ письмо Раевского, и тѣмъ не менѣе всѣ повторяютъ Вигелевскую легенду, безъ критики повторяютъ, и ищутъ ей подтвержденій, и потому что ищутъ — находятъ. Еще совсѣмъ недавно ее въ полной неприкосновенности и съ полной вѣрою повторилъ такой знатокъ Пушкина, какъ Н. О. Лернеръ, во второмъ томѣ Венгероваго «Пушкина». Здѣсь, въ статьѣ: «Пушкинъ въ Одессѣ» и въ обширномъ примѣчаніи къ стих. «Демонъ», воспроизведенъ весь разсказъ Вигеля. Г. Лернеръ чуждъ всякихъ сомнѣній и въ своей слѣпой довѣрчивости игнорируетъ факты, которыхъ онъ не можетъ не знать. Такъ, онъ указываетъ на то, что Липранди, написавшій «Замѣчанія» на мемуары Вигеля, не опровергаетъ свѣдѣній послѣдняго о причинахъ высылки Пушкина изъ Одессы, что онъ не преминулъ бы сдѣлать, если бы эти свѣдѣнія были ложны. Это соображеніе было бы очень цѣннымъ, если бы оно не противорѣчило элементарной возможности: дѣло въ томъ, что Липранди писалъ свои замѣчанія на *первое* изданіе «Воспоминаній» Вигеля, въ которомъ *весь эпизодъ* высылки Пушкина былъ опущенъ (этотъ пропускъ былъ восстановленъ только во второмъ изданіи, вышедшемъ уже послѣ смерти гр. Воронцовой (въ 1891—93 гг.), такъ что Липранди просто *не зналъ* легенды, передаваемой Вигелемъ. Далѣе: г. Лернеръ утверждаетъ, что упомянутое выше письмо Раевского къ Пушкину отъ 21 августа 1824 г. — единственный слѣдъ ихъ переписки послѣ Одессы. Это не вѣрно: 18 октября того же года кн. С. Волконскій переслалъ Пушкину другое письмо Раевского *), и мы въ правѣ думать, что этому второму письму предшествовалъ отвѣтъ Пушкина на первое письмо Раевского. Нечего говорить, что «Коварность» въ глазахъ г. Лернера *подтверждаетъ* разсказъ Вигеля и Капниста, что Раевскій «былъ въ душѣ Пушкина осужденъ послѣднимъ приговоромъ», и «близости между ними съ тѣхъ поръ не было». Это все — уже домыселъ, естественно вытекающій изъ принятой на вѣру легенды.

Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было. Мы уже знаемъ,

*) *Переписка* Пушкина, изд. Имп. Акад. Наукъ, подъ ред. В. И. Саитова, т. I, стр. 138.

что Раевскій, въ ближайшіе мѣсяцы послѣ одесской разлуки, по крайней мѣрѣ дважды писалъ Пушкину. Нѣсколько лѣтъ послѣ этого они не встрѣчались, живя въ разныхъ мѣстахъ, но Пушкинъ сохранялъ самое теплое чувство къ Раевскому. Лѣтомъ 1825 года, отвѣчая на письмо Н. Н. Раевского, брата Александра, онъ въ первыхъ строкахъ письма спрашиваетъ: «Что дѣлаетъ вашъ братъ? Вы ничего не пишете мнѣ о немъ въ письмѣ отъ 13 мая. Лѣчится ли онъ?» Когда въ январѣ 1826 года до Пушкина въ Михайловское дошли первые слухи объ арестахъ, связанныхъ съ событіемъ 14 декабря, онъ второпяхъ написалъ Дельвигу письмо, содержавшее *одинъ* тревожный вопросъ: не случилось ли чего съ Раевскимъ. Вотъ это письмо, опрокидывающее всѣ догадки объ охлажденіи Пушкина къ Раевскому, о приуроченіи къ послѣднему піесы «Коварность» и пр.; привожу его цѣликомъ. «Милый Баронъ! Вы обо мнѣ безпокойтесь и напрасно — я человекъ мирный. Но я безпокоюсь — и дай Богъ, чтобъ было понапрасну — мнѣ сказывали, что А. Раевскій подъ арестомъ. Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности — но онъ боленъ ногами и сырость казематовъ будетъ для него смертельна. Узнай, гдѣ онъ, и успокой меня. Прощай, мой милый другъ. П.» Такъ не пишутъ о человекѣ, нанесшемъ смертельную рану. И точно такъ же, если бы Пушкинъ таилъ горечь противъ Раевского, онъ не вспомнилъ бы въ «Путешествіи въ Арзрумъ» — безъ другой надобности, кромѣ прелести воспоминанія, — какъ онъ въ 1820 году сиживалъ съ Раевскимъ на берегахъ Подкумка. Въ послѣдніе годы своей жизни Пушкинъ, наѣзжая въ Москву, не разъ дружески встрѣчался съ Раевскимъ, о чемъ свидѣлствуютъ его письма къ женѣ.

Итакъ, преданіе о роли, которую будто бы сыгралъ А. Раевскій въ исторіи высылки Пушкина изъ Одессы, должно быть безусловно отвергнуто, несмотря на согласныя показанія Вигеля и Капниста. Это согласіе двухъ свидѣтелей можно объяснить тѣмъ, что Вигель выдумалъ сплетню и пустилъ ее въ ходъ (а потомъ воспроизвелъ въ своихъ запискахъ), Капнистъ же нашелъ ее уже готовою и укоренившеюся въ умахъ одесситовъ; пущенная Вигелемъ, она легко могла упрочиться, какъ въ силу своей эффектности, такъ и потому, что согласовалась съ общезвѣстнымъ фактомъ любви Раевского къ Воронцовой.

Какъ бы то ни было, главная часть легенды падаетъ, и остается только ея зерно — именно утвержденіе, что Пушкинъ былъ влюбленъ въ Воронцову и тѣмъ навлекъ на себя ненависть ея мужа,

слѣдствіемъ чего и была его высылка. Въ виду несомнѣннаго факта любви Пушкина къ Воронцовой, удостовѣряемаго присутствіемъ ея имени въ «донъ-жуанскомъ» спискѣ, это утвержденіе по существу не можетъ быть оспариваемо. Оно правдоподобно и если прямо ничѣмъ не подтверждается, то и не противорѣчитъ достовѣрнымъ фактамъ. Общій голосъ современниковъ объяснялъ враждебное чувство Воронцова къ Пушкину ревностью, и того же взгляда держался, повидимому, самъ Пушкинъ. И. И. Пущинъ, навѣстившій его въ Михайловскомъ въ январѣ 1825 года, такъ передаетъ разговоръ съ нимъ о причинахъ его высылки изъ Одессы: «Пушкинъ самъ не зналъ настоящимъ образомъ причины своего удаленія въ деревню; онъ приписывалъ удаленіе изъ Одессы кознямъ графа Воронцова изъ ревности; думалъ даже, что тутъ могли дѣйствовать нѣкоторыя смѣлыя его бумаги по службѣ, эпиграммы на управленіе и неосторожные частые его разговоры о религіи» *) Подъ ревностью надо понимать, очевидно, ревность къ женѣ, — а то къ кому же?

Но вотъ какое обстоятельство ускользнуло отъ вниманія біографовъ. Годъ спустя послѣ своей высылки изъ Одессы, въ «Воображаемомъ разговорѣ съ имп. Александромъ», Пушкинъ самъ — и не для чужихъ глазъ, а единственно для себя — изложилъ причины своей вражды съ Воронцовымъ. На вопросъ царя: «Какъ это вы могли ужиться съ Инзовымъ, а не ужились съ графомъ Воронцовымъ?» — Пушкинъ отвѣчаетъ характеристикой *Инзова*, представляющей опредѣленіе *отъ противнаго* тѣхъ свойствъ Воронцова, которыми и была, по убѣжденію Пушкина, вызвана эта вражда. И вотъ тутъ, отрицательно изображая Воронцова въ лицѣ Инзова, Пушкинъ, въ числѣ причинъ, почему онъ съ Инзовымъ *могъ* ужиться, называетъ и такую: «Онъ (т.-е. Инзовъ) *уже не волочится, ему не 18 лѣтъ; страсти, если и были въ немъ, то уже давно исчезли*. И важно то, что это соображеніе онъ ставитъ на одно изъ первыхъ мѣстъ (ему предшествуетъ одно, главное: «онъ (Инзовъ) не предпочитаетъ перваго англійскаго шалопая всѣмъ извѣстнымъ и неизвѣстнымъ своимъ соотечественникамъ» **).

Это показаніе слишкомъ важно и слишкомъ конкретно, чтобы

*) «Записки И. И. Пущина», С.-Петербур. 1907, стр. 59. Курсивъ въ подлинникѣ.

**) Сравни слова Пушкина въ письмѣ къ Назначеву (по поводу ссоры съ Воронцовымъ): «je suis ennuyé d'être traité dans ma patrie avec moins d'égard que le premier (imbécile) galopin anglais...»

можно было имъ пренебречь. Здѣсь ясный намекъ на какую-то романтическую исторію, на соперничество въ любви — но къ кому? Вся ффраза въ цѣломъ и слово «волочиться» исключаютъ мысль о женѣ. Прямой смыслъ этихъ словъ указываетъ на какую-то другую женщину, ставшую яблокомъ раздора между Пушкинымъ и Воронцовымъ. Указывая ни это странное свидѣтельство Пушкина, я отнюдь не желаю обогащать его и безъ того легендарную біографію еще одной досужей выдумкой: я хочу только собрать воедино всѣ разрозненные данныя о причинахъ одесской исторіи. Построить изъ нихъ правдоподобную гипотезу мы не можемъ, и вопросъ долженъ пока оставаться открытымъ.

II.

Пушкинъ несомнѣнно былъ влюбленъ въ Воронцову, но, повторяю, мы ничего не знаемъ объ этомъ, кромѣ голаго факта. Имя Воронцовой фигурируетъ въ «донъ-жуанскомъ» спискѣ — вотъ и все. Это еще ничего не говоритъ ни о продолжительности, ни о характерѣ этой любви. Въ этомъ спискѣ много именъ; рядомъ съ женщинами, которыхъ Пушкинъ любилъ глубоко и долго, здѣсь отмѣчены и героини его мимолетныхъ увлеченій, вѣроятно вовсе не увѣнчанныхъ взаимностью. Но біографы и здѣсь не отступились. Стремленіе «округлить» эпизодъ, разработать голый фактъ въ полную романтическую исторію, породило цѣлый рядъ догадокъ, со временемъ превратившихся въ факты, о которыхъ болѣе не спорятъ. Въ 1825 году Пушкинъ въ Михайловскомъ написалъ стихотвореніе «Сожженное письмо» («Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...»). А сестра Пушкина рассказывала Анненкову, что когда получалось изъ *Одессы* письмо съ печатью, носившей точно такіе же кабалистическіе знаки, какіе были на перстнѣ ея брата, Пушкинъ запирался у себя въ комнатѣ и никого не пускалъ къ себѣ. Этотъ перстень Пушкину подарила Воронцова; отсюда заключили, что письма изъ Одессы были отъ Воронцовой. Это повторяютъ всѣ біографы до П. Е. Щеголева включительно *), и въ любомъ изданіи сочиненій Пушкина можно найти указаніе, что стихотвореніе «Сожженное письмо» относится къ Воронцовой, а въ монументальномъ Венгеровскомъ изда-

*) См. указ. статью, стр. 311 — 312.

ниц эта пьеса, для большей ясности, даже сопровождается портретомъ Воронцовой. Нужна весьма малая острота ума, чтобы понять нелѣпость этой басни. Есть ли малѣйшая вѣроятность, что гр. Воронцова имѣла два одинаковыхъ перстня съ древне-еврейской надписью: «Симха, сынъ почтеннаго рабби Иосифа старца, да будетъ его память благословенна», или что прежде чѣмъ подарить перстень Пушкину, она заказала себѣ дубликатъ? Правда, въ стихотвореніи упоминается перстень:

Ужъ перстня вѣрнаго утрата впечатлѣнье,
Растопленный сургучъ кипить...

Но въ тѣ времена *еще* запечатывали письма сургучной печатью, и множество людей — именно печатью, вырѣзанной на перстнѣ, какъ это сплошь и рядомъ можно видѣть на письмахъ 20-хъ — 30-хъ годовъ. Но такова сила традиціи, что даже покойный Ефремовъ, самъ же въ примѣчаніяхъ указывающій на невѣроятность существованія двухъ одинаковыхъ перстней, — въ текстѣ сочиненій Пушкина, подъ заглавіемъ: «Сожженное письмо», печатаетъ въ скобкахъ: «Гр. Е. К. Воронцовой» *).

До какихъ натяжекъ доходить изобрѣтательность біографовъ — показываетъ слѣдующій курьезъ. Въ черновой тетради Пушкина, на той же страницѣ, гдѣ набросаны 32-я и 33-я строфы третьей главы «Онѣгина», записано его рукою: «5 сент. 1824, u. l. de», т.-е. une lettre de... И вотъ новое подтвержденіе того, что Пушкинъ въ Михайловскомъ получалъ письма отъ Воронцовой! Такъ рассуждаетъ еще и г. Щеголевъ въ упомянутой выше статьѣ. Почему «письмо отъ...» означаетъ письмо именно отъ Воронцовой, это остается тайной вѣры. Въ рукописи **) за предлогомъ de слѣдовала одна прописная французская буква, потомъ нѣсколько разъ зачеркнутая. Возможно, что Пушкинъ отмѣтилъ здѣсь день полученія того письма А. Раевского, о которомъ мы выше говорили; это письмо, писанное въ Александріи, близъ Бѣлой Церкви, 21 августа, должно было получиться въ Михайловскомъ какъ-разъ около 5 сентября; кстати, и зачеркнутая въ тетради буква инициала очень похожа на R.

Чтобы покончить съ легендой, мнѣ остается еще сказать нѣ-

*) Изданіе 1903 — 5 гг., т. II, стр. 9; т. VIII, стр. 266.

***) Рукопись Моск. Румянц. музея, № 2370, листъ 11 об.

сколько словъ объ этомъ самомъ письмѣ Раевского. Оно содержитъ въ себѣ одно мѣсто, справедливо привлекающее вниманіе всѣхъ изслѣдователей. Сообщивъ Пушкину нѣкоторыя одесскія новости, Раевскій продолжаетъ *): «Отлагаю до другого письма удовольствіе рассказать тебѣ дѣянія нашихъ прекрасныхъ землячекъ; теперь же поговорю о Татьянѣ. Она приняла живое участіе въ твоей бѣдѣ и поручаетъ мнѣ передать тебѣ объ этомъ; пишу съ ея вѣдома и согласія. Тихая и добрая душа ея сознаетъ лишь несправедливость, которая тяготѣетъ надъ тобою, и она выразила мнѣ все это съ чувствомъ и граціей, свойственной характеру Татьяны. Даже ея прелестная дочка вспоминаетъ о тебѣ и часто мнѣ говоритъ о «полоумномъ Пушкинѣ» и о трости съ собачьимъ рыльцемъ, что ты ей подарилъ. Я каждый день поджидаю образка съ двумя первыми стихами, которые ты для нея написалъ».

Полагаютъ, что подъ «Татьяною» (конечно, съ намекомъ на «Онѣгинскую» Татьяну) Раевскій разумѣетъ здѣсь гр. Воронцову. Дѣйствительно въ пользу этого предположенія говоритъ многое: и тонъ, въ которомъ Раевскій пишетъ эти строки (видно, что онъ считаетъ разговоръ о «Татьянѣ» особенно интереснымъ для Пушкина), и характеръ ея отзыва о несправедливости, постигшей Пушкина, и упоминаніе о ребенкѣ: у Воронцовыхъ, дѣйствительно, была тогда 4-лѣтняя дочка, — и, наконецъ, то, что письмо писано изъ Александрии, имѣнія матери Воронцовой, гдѣ послѣдняя часто гостила. Все это — вѣскіе доводы. Правда, Вигель опредѣленно говоритъ, что Воронцовы въ половинѣ іюня увезли свою выздоравливавшую послѣ тяжелой болѣзни дѣвочку въ Крымъ**); но возможно, что графиня прожила въ Крыму не все лѣто, и къ 21 августа уже была въ Кіевской губерніи, у матери.

Если это такъ, т.-е. если Раевскій пишетъ Пушкину дѣйствительно о Воронцовой, то эти строки письма являются лишнимъ аргументомъ противъ Вигелевской легенды: онѣ всѣмъ содержаніемъ противорѣчатъ этой легендѣ, — это ясно съ перваго взгляда, и здѣсь даже не требуется подробнаго анализа. Укажу только на одно обстоятельство. Изъ словъ Раевского явствуетъ, что Ворон-

*) Подлинникъ — по-французски. Цитирую по переводу въ «Русск. Арх.», 1881, I.

***) Воронцовъ (а значить и его семья) дѣйствительно были въ Крыму и 29 іюля, и еще 12 августа. См. Русск. Стар., 1887, январь, 246.

цова (назовемъ такъ «Татьяну» письма) узнала о высылкѣ Пушкина только *post factum*, т. е. что въ моментъ высылки (конецъ іюля) ея не было въ Одессѣ; это совпадаетъ и съ сообщеніемъ Вигеля объ ея отъѣздѣ въ Крымъ въ половинѣ іюня. Но въ такомъ случаѣ—какъ могла она сговориться съ Пушкинымъ о перепискѣ, разъ она, уѣзжая изъ Одессы, еще вовсе и не знала, что больше не застанетъ его въ Одессѣ?

Итакъ, безусловно отвергая легенду, я считаю возможнымъ — исключительно на основаніи «донъ-жуанскаго» списка — утверждать только то, что Пушкинъ, долго ли, коротко ли, былъ влюбленъ въ гр. Воронцову. Существованіе какихъ-нибудь интимныхъ отношеній между ними приходится рѣшительно отвергнуть, хотя бы уже на томъ основаніи, что такія отношенія не могли бы ускользнуть отъ ревнивыхъ взоровъ Раевского, безумно любившаго Воронцову и близкаго къ ней по родственному; результатомъ ихъ была бы неизбежно жестокая ненависть Раевского къ Пушкину, чего мы въ дѣйствительности не видимъ и тѣни. Эти соображенія заставляютъ отрицать всякую законность за приуроченіемъ къ Воронцовой какихъ бы то ни было стихотвореній Пушкина, въ особенности тѣхъ, гдѣ есть намекъ на обоюдную страсть. Г. Щеголевъ относитъ къ Воронцовой четыре пьесы. Объ одной изъ нихъ — «Сожженное письмо» — мы уже говорили. Другое, «Ненастный день потухъ», написанное осенью, вѣроятно 1824 г., рисуетъ пейзажъ несомѣнно не одесскій, а крымскій: ни одинъ человѣкъ, издавшій одесское взморье, не усумнится въ этомъ, ибо тамъ нѣтъ ни «горъ», ни «береговъ, потопленныхъ шумящими волнами», и, конечно, не видъ съ дачи Рено рисуютъ эти строки:

Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами.

Остальныя двѣ пьесы, о которыхъ говоритъ г. Щеголевъ, — «Желаніе славы» и отрывокъ: «Все кончено». Въ обѣихъ рѣчь идетъ о *раздѣленной* любви, о ласкахъ («любовію и нѣгой упоенный», «въ послѣдній разъ обнявъ твои колѣни»), и потому, какъ сказано, онѣ не могутъ быть относимы къ Воронцовой, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока какіе-нибудь новые матеріалы не дадутъ намъ на это права.

III.

Какъ извѣстно, четыре года спустя послѣ высылки Пушкина изъ Одессы, былъ высланъ оттуда, также по проiscaмъ Воронцова, А. Раевскій. Оба эти эпизода представляютъ совершенное сходство: здѣсь, какъ и тамъ, Воронцовъ *изъ ревности* устраняетъ ненавистнаго ему человѣка *при помощи доноса*, направленного въ Петербургъ. Это тожество мотивовъ и дѣйствій заслуживаетъ вниманія. О причинахъ высылки Пушкина мы знаемъ мало, исторію же высылки Раевского мы можемъ возстановить въ подробностяхъ, и это цѣнно для насъ, если не въ смыслѣ раскрытія фактовъ, то въ другомъ, не менѣе важномъ отношеніи: она проливаетъ свѣтъ на психологію дѣйствующихъ лицъ Пушкинскаго эпизода, и какъ разъ въ области тѣхъ чувствованій и дѣйствій, которыя составляютъ содержаніе этого эпизода.

Наши свѣдѣнія о гр. Воронцовой скудны. Изъ приведеннаго выше письма А. Раевского къ Пушкину многіе заключаютъ, что Воронцова послужила Пушкину первообразомъ для Татьяны. Мы этого не думаемъ; теперь извѣстно, что конкретныя черты для облика Татьяны Пушкинъ взялъ изъ разныхъ лицъ и даже книгъ, а если можетъ быть рѣчь объ одной главной модели (на что, какъ извѣстно, намекаетъ самъ Пушкинъ), то ее, судя по намекамъ въ его письмахъ, надо искать среди женщинъ, которыхъ Пушкинъ зналъ *въ Крыму*. Замѣна имени Воронцовой именемъ Татьяны въ письмѣ Раевского представляетъ собою, конечно, отголосокъ его дружескихъ бесѣдъ съ Пушкинымъ въ Одессѣ. Но и въ этомъ смыслѣ она, разумѣется, не случайна: очевидно, что въ характерѣ Воронцовой были какія-нибудь черты, сближавшія ее съ героиней «Онѣгина».

Я уже въ другомъ мѣстѣ *) цитировалъ слова Раевского о Воронцовой: «Она очень пріятна, у нея мѣткій, хотя и не очень широкій умъ, а ея характеръ — самый очаровательный, какой я знаю». Приведу теперь отрывокъ изъ другого его письма (неизданнаго), отъ 17 іюня 1822 года. Это письмо писано по-французски изъ Александріи, гдѣ въ то время у ея матери, гр. Браницкой, гостили и она, и онъ.

«Я изрядно скучаю, и, можетъ быть, впалъ бы въ уныніе, если бы

*) «Исторія Молодой Россіи», Москва, 1908, стр. 44.

не примѣръ графини Воронцовой; мужество, съ которымъ она переноситъ безмысленность своего здѣшняго существованія, служить мнѣ укоромъ. Ровность ея свѣтлаго настроенія по-истинѣ удивительна: будучи такъ долго лишена удовольствій въ лучшіе годы своей жизни, она тѣмъ болѣе, казалось бы, должна жаждала всѣхъ тѣхъ благъ, которыми наслаждалась въ Парижѣ; между тѣмъ возобновленіе стараго, необыкновенно скучнаго образа жизни нимало ни отразилось на расположеніи ея духа, и даже отсутствіе своего мужа (который недавно покинулъ ее на пять-шесть дней для объѣзда своихъ имѣній) она переноситъ съ той же ровностью права. Правда, она имѣетъ нѣкоторые внутренніе ресурсы, которыхъ у меня нѣтъ, напримѣръ, удовлетворенную гордость, чувство своей личной значительности. Если она сейчасъ не пользуется никакими утѣхами свѣта, она можетъ утѣшать себя мыслью, что онѣ доступны ей въ каждую минуту, когда она того пожелаетъ, — а это уже большое облегченіе». Воронцова была на три года старше Пушкина и замужемъ съ 1819 года *).

Раевскій издавна былъ близокъ и съ Воронцовой, и съ ея мужемъ, еще до ихъ супружества, и съ нимъ — раньше, нежели съ нею: онъ состоялъ адъютантомъ при Воронцовѣ во время Отечественной войны и особенно сблизился съ нимъ во время совмѣстной стоянки во Франціи. Съ нею онъ былъ въ родствѣ; мать Воронцовой, гр. Браницкая, приходилась ему двоюродной бабкою **), очень любила его, и въ началѣ 20-хъ годовъ онъ подолгу проживалъ у нея въ Александріи. Здѣсь и полюбилъ онъ молодую Воронцову, часто пріѣзжавшую къ матери. Когда, въ маѣ 1823 года, Воронцовъ былъ назначенъ новороссійскимъ генераль-губернаторомъ, вслѣдъ за ними переѣхалъ въ Одессу и Раевскій. Его любовь къ графинѣ не была тайной для семьи, и вмѣстѣ съ его празднымъ, не-служебнымъ положеніемъ являлась для его отца, извѣстнаго по 12-му году генерала Н. Н. Раевского, предметомъ постоянныхъ страданій. Зналъ о ней, разумѣется, и Воронцовъ. Отношенія между ними начали постепенно портиться. Если вѣрить Вигелю, Воронцовъ уже весною 1824 года былъ сильно раздраженъ противъ Раевского. Во всякомъ

*) Щербининъ, «Біографія ген.-фельдм. кн. М. С. Воронцова», 1858 г., стр. 164.

***) См. «Архивъ Раевскихъ», п. ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, 1908, стр. 259.

случаѣ, это вѣрно для начала 1826 г., когда Воронцовъ, сообщая Закревскому объ арестованіи А. Раевского въ связи съ дѣломъ 14-го декабря, писалъ: «Сожалѣю о немъ и еще болѣе объ отцѣ его; но не удивляюсь, ибо въ послѣднее время я столько въ немъ замѣтилъ страннаго и нехорошаго, что пересталъ почти съ нимъ говорить» *). Но внѣшнія отношенія еще долго оставались корректными: послѣ своего освобожденія изъ-подъ ареста Раевскій, весной и лѣтомъ этого года, долго жилъ у Браницкой, гдѣ гостила въ то время и Воронцова съ дѣтьми и куда неоднократно пріѣзжалъ къ своей семьѣ и Воронцовъ **).

Отношенія обострились, повидимому, въ концѣ 1826 года. Въ нашемъ распоряженіи есть два неизданныхъ письма старика Раевского къ дочери, показывающія, что между Раевскими и Браницкою произошла какая-то размолвка, виновникомъ которой являлся А. Раевскій. 2-го января 1827 г. старикъ пишетъ изъ своей усадьбы Болтышки, Кіевской губ.: «Братъ Александръ пріѣхалъ наканунѣ меня. Вотъ что я въ немъ примѣтилъ. Онъ не спросилъ ни про васъ, ни про Машеньку ***), онъ смущенъ и скученъ, однакожь весьма охотно играетъ въ вистъ и тутъ бываетъ веселье. Вы видите, друзья мои, что его болѣзнь не отчаянная. Откровеніи никакихъ онъ еще не дѣлалъ. Ѣдетъ со мной въ Кіевъ и заѣзжаетъ къ графинѣ Браницкой. Графиня Браницкая приняла меня весьма ласково, разспрашивала про васъ, и никакого вида о происшедшемъ». Двѣ недѣли спустя, 19-го января, онъ же пишетъ изъ Кіева: «Я здѣсь съ Алексашей на контрактахъ, были въ Бѣлой Церкви, онъ былъ принятъ какъ собака, но хотѣлъ оправдываться, она сказала: nous devons être étrangers. Я думаю, послѣ сего должно бѣ все оставить, mais il y tient, il a une arrière-pensée, но я не хочу къ ней заѣзжать на обратномъ пути; мнѣ кажется, что она права, виновата только была предо мной въ своихъ болтаньяхъ моимъ дочерямъ на мой счетъ. Il est censé que je ne sais rien, et elle est bien extérieurement avec moi, спрашивала про жену и дочерей».

Прошло, однако, еще болѣе года, прежде чѣмъ разрывъ принялъ внѣшнюю форму. Раздраженіе Воронцова, повидимому, росло, и отношенія между гр. Браницкой и семьей Раевскихъ все болѣе обо-

*) «Сборн. И. Р. Истор. Общ.», т. 73, стр. 506.

***) «Исторія Молодой Россіи», стр. 60 и сл.

***) Т.-е. про сестру, М. Н. Волконскую.

стрялись. Въ маѣ 1828 г. старикъ пишетъ сыну Николаю, что рѣшили окончательно порвать съ Браницкою и больше не бывать у нея; дальше онъ пишетъ, что сестры (т.-е. дочери его) были въ Одессѣ на нѣсколько дней, хотѣли не видѣться съ Воронцовой, но она до этого не допустила и онѣ видѣлись каждый день *). Два мѣсяца спустя все было кончено: разразился скандалъ, обошедшійся очень дорого самому Воронцову. Нижеслѣдующія письма (неизданныя) ясно рисуютъ образъ дѣйствій послѣдняго и косвенно бросаютъ свѣтъ на исторію высылки Пушкина изъ Одессы.

27-го іюня старикъ сообщаетъ дочери: «На послѣдней почтѣ получилъ я письмо отъ В., въ которомъ весьма умѣренно описываетъ всѣ поступки его (т.-е. Александра Раевского) и послѣдній, по которому онъ былъ принужденъ препоручить обезпеченіе своего спокойствія полицеймейстеру, который былъ у него (т.-е. у А. Р.) и объявилъ ему о семь. Ты можешь судить, каково мнѣ; я отвѣчалъ, что поступки сіи почестъ должно человѣка въ горячкѣ и что онъ тамъ (т.-е. въ Одессѣ) находится ни по желанію, ни по согласію моему. Можетъ быть, его посадятъ въ сумасшедшій домъ при первомъ его сумасшедшемъ поступкѣ, котораго я ожидаю».

О какомъ поступкѣ Раевского писалъ Воронцовъ его отцу, мы въ точности не знаемъ. Современная сплетня гласила, что онъ, съ хлыстомъ въ рукѣ, остановилъ на улицѣ карету графини, которая съ приморской дачи ѣхала къ императрицѣ, бывшей тогда въ Одессѣ, и наговорилъ ей дерзостей; въ семьѣ сохранилось преданіе, что онъ крикнулъ ей: «Soignez bien vos enfans» или «ma fille» **). Отвѣтъ Раевского полицеймейстеру (письменный) сохранился. «Вчерашняго числа вечеромъ,—писалъ Раевскій ***),—вы изволили приѣхать, чтобъ прочитатъ мнѣ просьбу, вамъ поданную графомъ Воронцовымъ, въ которой, какъ частный человѣкъ, онъ требуетъ отъ васъ защиты за мнимыя мои дерзости противъ почтеннѣйшей его супруги; въ случаѣ продолженія оныхъ е. с. угрожаетъ мнѣ прибѣгнуть къ высшей власти. На сіе имѣю честь вамъ отвѣчать, что я ничего дерзкаго не могъ сказать ея сіятельству, и я не понимаю, что могло дать поводъ такой небылицѣ. Мнѣ весьма прискорбно,

*) «Щукинскій Сборникъ», IV, стр. 296.

***) «Русск. Арх.», 1901, кн. 10, стр. 185, прим. П. И. Бартенева. «Русск. Стар.», 1885, ноябрь, стр. 402. Моя «Ист. М. Россіи», стр. 72—3.

****) «Русск. Стар.», тамъ же.

что графъ Воронцовъ вмѣшиваетъ полицію въ семейственныя свои дѣла и чрезъ то даетъ имъ столь непріятную гласность. Я покажу болѣе умѣренности и чувства приличія, не распространяясь далѣе о такомъ предметѣ. Что жъ касается до донесеній холопій его сіятельства, то оныя совершенно ложны».

Для насъ, конечно, не представляетъ никакого интереса вопросъ, что произошло между Раевскимъ и графиней. Важно только то, что въ началѣ іюня Воронцовъ окончательно потерялъ самообладаніе: иначе нельзя объяснить его обращеніе къ помощи полицеймейстера.

И тутъ произошло странное стеченіе обстоятельствъ: три недѣли спустя, т.-е. ровно чрезъ столько времени, сколько нужно было для сношенія изъ Одессы съ Петербургомъ, въ Одессѣ получено было Высочайшее повелѣніе о немедленной высылкѣ А. Раевского въ Полтаву *за разговоры противъ правительства и военныхъ дѣйствій*. Это былъ доносъ, и не могло быть сомнѣній, къѣмъ и для чего онъ былъ сдѣланъ. Повторилась въ точности исторія высылки Пушкина.

Воронцовъ, повидимому, чувствовалъ себя скверно и, желая обѣлить себя, написалъ старику Раевскому; вотъ это письмо: «Входя совершенно въ чувства, изъясняемая въ благосклонномъ письмѣ в. пр., полученномъ мною вчерашняго числа, я бы никогда не коснулся болѣе до матеріи, которая ни вамъ, ни мнѣ не можетъ быть иначе, какъ непріятною, ежели бы послѣдствія поведенія Ал. Ник. здѣсь не принудили меня въ собственную мою защиту изъяснить вамъ то, что, конечно, чрезъ него иначе на мой счетъ вамъ донесено будетъ; и дѣлая сіе, я начинаю покорнѣйшей просьбой не отвѣчать мнѣ на письмо сіе, которое будетъ послѣднее. — Александръ Ник. высланъ отсель въ Полтаву по Высоч. Повелѣнію, полученному здѣсь кн. П. Мих. Волконскимъ; я не только не былъ ничѣмъ причиною сего, но о томъ, что касается до разговоровъ его здѣсь противъ правительства и насчетъ военныхъ дѣйствій, я сперва не зналъ и потомъ, услышавъ, не вѣрилъ до самаго того времени, пока участь его по другимъ о томъ донесеніямъ уже была рѣшена. Правда, что послѣ того я удостовѣрился въ справедливости сихъ донесеній; но никогда не писалъ и не буду писать въ подкрѣпленіе онымъ, ибо въ моемъ съ Ал. Н. положеніи сіе было бы совершенно невозможно».

Эти строки старикъ Раевскій сообщилъ дочери въ письмѣ своемъ отъ 10-го іюля. Нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ писалъ ей, что, по дошедшимъ до него слухамъ, Александръ проѣхалъ по кремен-

чугской дорогѣ; онъ думалъ, что сынъ ѣдетъ къ ней, въ Калужскую губернію. Теперь, узнавъ о высылкѣ сына, онъ пишетъ ей: «Я уже писалъ тебѣ, мой другъ Катенька, что Алексаша, по своей неблагоразумной страсти къ гр. В—ой, продолжаетъ дѣлать непростительныя дурачества, что сіе доставило мнѣ письмо о немъ отъ гр. В.; потомъ, услышавъ, что Ал. проѣхалъ чрезъ Елизаветградъ въ Полтаву, я счелъ, что онъ образумился и проѣхалъ къ тебѣ. Какъ вдругъ получаю іезуитское письмо отъ гр. В., при семъ прилагаемое, что онъ по Высоч. пов. отправленъ въ Полтаву. Между тѣмъ Машенька П. пишетъ къ Катенькѣ, сестрѣ ея, о происшествіи, въ которомъ увѣдомляетъ, что В. не обманулъ публику, что все говорятъ, что это — его дѣйствіе, и между тѣмъ все ругаютъ его и жену его. Изъ сего ты видишь, что, сдѣлавши мерзкій поступокъ, В. и себя и жену осрамилъ... Воронцову я не отвѣчаю. Пошлю нарочнаго въ Полтаву узнать о братѣ и, буде нужно, удержать его отъ какой-нибудь неосторожности противъ Воронцова. Извинительно нѣсколько въ его лѣта, будучи жертвою такой мерзкой клеветы, выйти изъ себя, когда я самъ чуть не написалъ Воронцову все, что онъ заслуживаетъ». Приведа затѣмъ письмо Воронцова, помѣщенное выше, онъ прибавляетъ: «Ты знаешь, мой другъ, въ состояніи ли Алекс. говорить про правительство или осуждать военныя дѣйствія. Каково іезуитство Воронцова: онъ плакалъ, получивъ сіе извѣстіе, пишутъ мнѣ изъ Одессы».

Если бы тожество образа дѣйствій Воронцова въ обоихъ случаяхъ — при высылкѣ Раевского въ 1828 году и Пушкина въ 1824 — казалось еще недостаточно явнымъ, дальнѣйшія строки цитируемаго письма могутъ устранить послѣднее сомнѣніе. Здѣсь старикъ приводитъ текстъ письма, посланнаго имъ государю. Письмо это напечатано *); но въ подлинникѣ, которымъ я пользуюсь (т.-е. въ этой самой копіи, которую старикъ сообщаетъ дочери), оно содержитъ нѣсколько зачеркнутыхъ словъ, заслуживающихъ нашего особеннаго вниманія. Старикъ пишетъ царю, что несчастная страсть его сына къ гр. Воронцовой вовлекла его въ неблагоразумныя поступки, что онъ непростительно виноватъ передъ графинею, но если Воронцовъ желалъ удалить его, онъ могъ это сдѣлать благороднымъ способомъ, не прибѣгая къ клеветѣ. И вотъ тутъ въ рукописи было сначала написано такъ:

*) «Русская Старина», 1885, ноябрь, стр. 403.

«Графу Воронцову нужно было удалить моего сына, на средства онъ не разборчивъ, что уже *доказалъ прежде*» (подчеркнуто въ рукописи), — и сюда подъ строкою сдѣлана выноска: «Т.-е. Пушкина исторія», а дальше слѣдуетъ: «и можетъ по богатству подкупить доносчика», и т. д. *).

Эти строки — важный документъ. Раевскій чрезъ сына долженъ былъ въ подробностяхъ знать исторію высылки Пушкина изъ Одессы, и если онъ свидѣтельствуетъ, что Пушкинъ былъ высланъ благодаря низкой интригѣ (т.-е. ложному доносу) Воронцова, то этотъ фактъ можно считать установленнымъ.

Старикъ Раевскій потомъ имѣлъ случай убѣдиться въ лживости увѣреній, заключавшихся въ письмѣ къ нему Воронцова: никакого *сторонняго* доноса на Александра Раевского въ Петербургъ не поступало. Весною слѣдующаго, 1829 года, онъ ѣздилъ въ Петербургъ ходатайствовать за сына и по возвращеніи оттуда писалъ другому сыну, Николаю **): «Я ѣздилъ въ Петербургъ, чтобъ представить истину, и хотя былъ принятъ съ благоволеніемъ, но мнѣ сказано было, чтобъ я о семь не говорилъ ни слова; между тѣмъ я уже былъ извѣщенъ, что не было ни слова государю, ни отъ него о мнимыхъ неприличныхъ разговорахъ, о коихъ я писалъ тебѣ, слѣдственно все состоитъ въ esclandre его исторіи съ Воронцовой».

Воронцовъ, какъ уже сказано, дорого заплатилъ за свою побѣду. Самъ царь, повидимому, не повѣрилъ его доносу; это старикъ Раевскій справедливо заключалъ изъ легкости наказанія, которому подвергся Александръ (онъ былъ высланъ въ Полтаву «на жительство до разсмотрѣнія» и безъ указанія о надзорѣ надъ нимъ). «Сіе самое снисхожденіе государя — писалъ старикъ (рукоп.) — доказываетъ, что онъ или сомнѣвается, или знаетъ истину; къ тому жъ она столь публична, что нельзя, чтобъ не дошло сіе до него... Изъ Одессы увѣдомляютъ меня, что императрица также не въ томъ видѣ

*) Въ чистовой формѣ это мѣсто гласитъ такъ: «Графу Воронцову нужно было удалить моего сына, по всей справедливости, что могъ онъ сдѣлать образомъ благороднымъ: графиня Браницкая могла о семь просить васъ для спокойствія семейнаго; но онъ не разсудилъ сего. Графъ Воронцовъ богатъ, военный генераль-губернаторъ, можетъ деньгами и другими награжденіями найти кого донести и присягнуть въ чемъ угодно графу Воронцову» («Русская Старина», тамъ же).

***) «Щукинскій Сборникъ», IV, 298; ср. «Русск. Арх.», 1908, IV, стр. 307 — 319.

принимаетъ сіе происшествіе. Будучи въ Одессѣ, гдѣ вся публика не имѣетъ ни малѣйшаго заблужденія насчетъ его, знаетъ Вор., императрица лично распознаетъ клевету, на брата внесенную... Воронцовъ, говорятъ, въ умѣ потерянь совершенно; правда, что поступки его — и подлые, и сумасшедшіе».

Скандалъ, дѣйствительно, получился огромный. Въ петербургскомъ и московскомъ «свѣтѣ» нѣкоторое время только и было разговоровъ, что объ этой исторіи. Переписка А. Я. Булгакова съ братомъ сохранила намъ отголоски этихъ толковъ. 1-го октября 1828 г. Булгаковъ писалъ изъ Москвы: «Точно, что нѣтъ счастья совершеннаго на землѣ. Кажется, чего не достааетъ нашему милому Воронцову?.. Но ежели справедлива исторія, которую на ухо здѣсь рассказываютъ о поступкѣ глупомъ молодого Раевского съ графиней, то не должно ли это отравить спокойствіе этого безцѣннаго человѣка? Даже по тому, какъ мнѣ Волковъ рассказывалъ, я ему доказалъ, что графиня совершенно невинна; но все очень непріятенъ эдакій эскландръ». Нѣсколько позднѣе, 7 декабря, онъ пишетъ: «Жена была вчера у Щербининой, которая сказывала Наташѣ, что Воронцовъ убить извѣстною тебѣ исторіею графини, что онъ все хранитъ въ себѣ для отца и для старухи Браницкой, но что счастье его семейственное потеряно... Щ. говорить, что это пишетъ Нарышкина жена сюда» *).

Какъ отнесся къ этой исторіи Пушкинъ, мы не знаемъ: единственная строчка въ его письмахъ, гдѣ онъ (1 сентября 1828 г.) спрашиваетъ кн. Вяземскую, что она думаетъ «о происшествіяхъ въ Одессѣ», ничего не говоритъ.

*) «Русск. Арх.», 1901, кн. 10, стр. 185 и 207. См. также «Остаф. Арх.», III, 179.

М. Гершензонъ.

ОБРАЗЫ

ПРОШЛАГО.

А. С. Пушкинъ, И. С. Тургеневъ,
П. В. Киртѣевскій, А. И. Герценъ,
Н. П. Огаревъ.

МОСКВА.

Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ, Трехпрудный пер., соб. домъ.
1912.